

Судьбы

Владимир
МЕХОНЦЕВ

Промозглым, холодным ноябрьским днем 1910 года на небольшой провинциальной станции Астапово перестало биться сердце Льва Николаевича Толстого. Умер гражданин мира, и эта утрата наполнила скорбью души не только родных Толстого, но и всех его друзей, учеников, последователей. Прошло уже восемьдесят лет, но и по сей день не утихает эта боль и у моей собеседницы, жительницы Женева, — Ольги Павловны Бирюковой, дочери близкого друга и первого биографа Льва Толстого Павла Ивановича Бирюкова.

«МИЛЫЙ ДРУГ ПОША...»

Н А ПОЖЕЛТЕВШЕМ от времени фото — веранда яснополянского дома, на фоне которой высится кряжистая фигура седобородого Толстого. Рядом с ним — мужчина с благородными чертами лица и двое детей. «Это мой отец — Павел Иванович и младший брат Левушка, названный так в честь его знаменитого тезки, — говорит Ольга Павловна и добавляет с легкой улыбкой: — Ну а глядя на меня сегодняшнюю, не просто найти сходство с той восьмилетней девочкой. И тем не менее — это я. На веранде же — дочь Толстого Александра и моя мама Павлина Бирюкова. Фотография снята в Ясной Поляне за два месяца до смерти Льва Николаевича моим старшим братом Борисом».

Конец июля — начало августа 1910 года семья Бирюковых провела в доме Толстых. Павел Иванович и раньше не был редким гостем в Ясной Поляне, но на сей раз причины его приезда оказались из ряда вон выходящими: разлад в семье Толстого углублялся и, казалось, ничем не предотвратить его трагической развязки.

«Милый, милый Поша. Так радостно получить ваше письмо, — писал Лев Толстой своему другу и единомышленнику в середине июля. — Ведь сердце сердцу весть подает. Вы так же дороги мне, как я вам... У меня хуже пожара. Софья Андреевна взволнована, раздражена, почти душевно больна — ненависть к Черткову, ревность к нему, и мне очень трудно. Но я чувствую, что это и поделом, и на пользу мне. Непременно приезжайте все со всей семьей. Думаю, что Софья Андреевна будет рада принять вас, хотя в ее положении ничего нельзя предвидеть...»

Хорошо запомнился Ольге Павловне этот вечер в яснополянской усадьбе. «Я долго не могла уснуть и начала бродить по дому, — рассказывает она. — Захожу в столовую и вижу беседующих между собой отца и Софью Андреевну. Она так горячо говорила, обращаясь к отцу, о драме, которая происходит у них в семье. Видно было, что она хочет облегчить душу свою. Надо сказать, что отец мой был очень добрым человеком и ему было жаль Софью Андреевну. Не так много она ведь и видела в своей жизни. Толстой был где-то высоко, а она оставалась на уровне обыкновенной женщины. Но очень работающая, она несла на себе груз всего хозяйства, принимала всех гостей Льва Николаевича, да еще и успевала переписывать с поправками то, что он писал. Словом, она дала Толстому много от себя, но вот того, что называется духовной близостью, у них почему-то не сложилось. Да она и была просто другой человек и не могла во всем ему следовать. И я как сейчас вижу: отец и Софья Андреевна сидят друг против друга, она останавливается на мгновение, и отец произносит фразу: «Да, я вас понимаю». И сказано это было с такой интонацией, что очевидно было, что он ее действительно по-человечески понимает. Не просто согласен с нею, а понимает ее состояние и хочет всеми силами ее утешить. Я не знаю окончания разговора, потому что, став нечаянно его свидетелем, прикрыла двери, чтобы не помешать им». А после Ольга Павловна узнала из рассказа отца, что у него состоялся разговор с Толстым.

«Чертков написал моему отцу гневное письмо, в котором почти обвинял в том, что Павел Иванович заступается за Софью Андреевну, — продолжает свой рассказ Ольга Павловна. — И как-то во время прогулки по яснополянскому саду отец высказал Толстому свое удивление письмом Черткова, которое, как он считал, совершенно извратило суть его беседы с Софьей Андреевной. Надо заметить, что

Павел Иванович никогда не относился к Толстому подобострастно, да и в поведении Толстого не было ничего менторского, учительского. Их отношения были скорее товарищескими. Лев Николаевич выслушал отца и вполне согласился с ним, сказав, что сожалеет о своем поступке». Отражение этого разговора есть и в письме Л. Толстого от 2 августа 1910 г.

«Вчера говорил с Пошей, и он очень верно сказал мне, что я виноват тем, что сделал завещание тайно, — писал Л. Толстой своему издателю и другу В. Г. Черткову. — Надо было или сделать это явно, объявив тем, до кого это касалось, или все оставить, как было — ничего не делать. И он совершенно прав, я поступил дурно и теперь плачусь за это. Дурно то, что сделал тайно, предполагая дурное в наследниках, и сделал, главное, несомненно дурно тем, что воспользовался учреждением отрицательного мной правительства, составив по форме завещание...»

Но, однако, уже в следующем письме Черткову Толстой вновь изменил свое мнение, на сей раз посчитав, что не нужно было Бирюкову убеждать его. Эта история поссорила двух самых близких единомышленников Толстого. Примирение же пришло позднее. Говорит Ольга Павловна: «Когда отец заканчивал писать четвертый том биографии Л. Толстого, между ним и моей матерью неожиданно возникла дискуссия, что лучше — правда или доброта. Что должно занимать первое место в жизни человека? Мать моя была категорична — конечно же, правда. Она прежде всего необходима людям. Отец выслушал ее и решил помириться с Чертковым».

КАКИМ же он был, Павел Иванович Бирюков, автор первой прижизненной биографии своего великого современника?

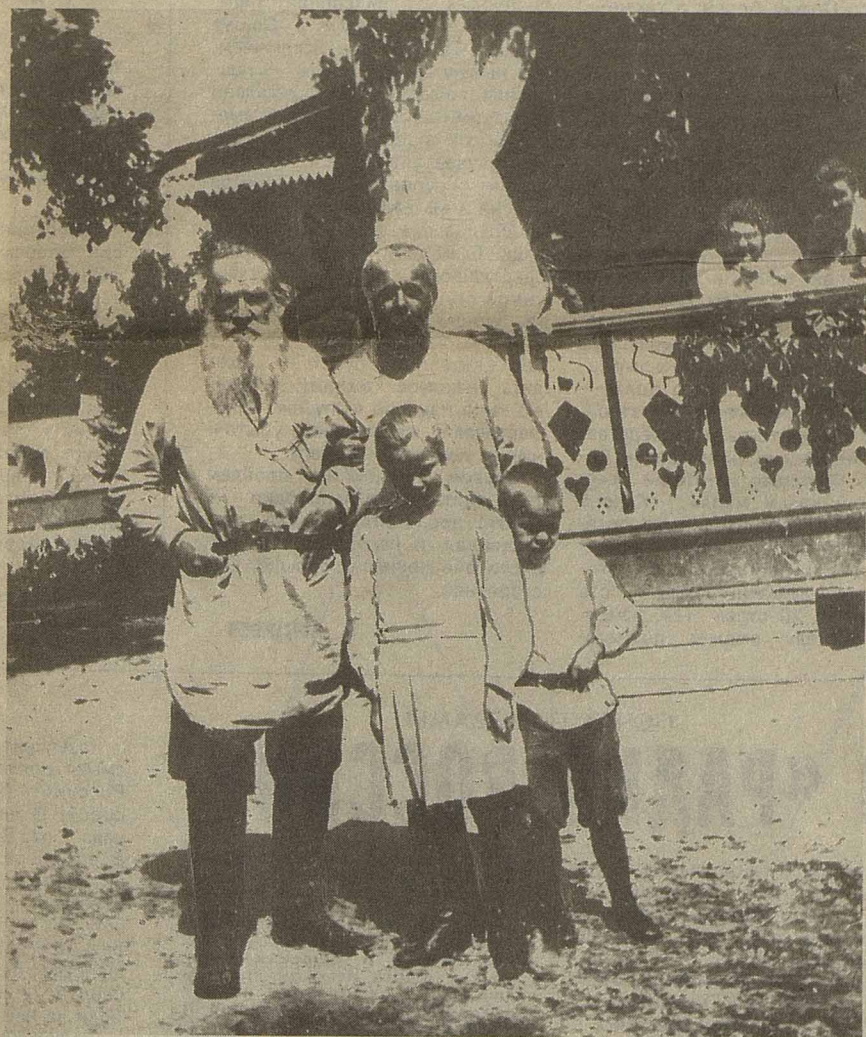
Ни в школьные, ни в студенческие годы не довелось мне услышать сколько-нибудь подробного рассказа об этом человеке, которого Толстой в каждом своем письме тепло называл «милым другом Пошей», с которым делился не только сокровенными своими мыслями, но и рассказывал о радостях и огорчениях в семейной жизни, о чем обычно говорят лишь с близким и очень понимающим тебя человеком.

Краткая статья в Литературной энциклопедии, изданной в 1962 году, в несколько строк уместила богатую делами, встречами, людьми, впечатлениями жизнь: «Русский писатель, общественный деятель. В 1884 году познакомился с Толстым и, приняв его нравственное учение, стал пропагандистом толстовства. Занимался издательской деятельностью в России и за границей. Принимал деятельное участие в издательстве «Посредник». В 1893-м работал с Толстым по организации помощи голодающим в Самарской губернии. Подписал составленное В. Г. Чертковым и одобренное Толстым воззвание в защиту духовоборов «Помогите!», за что в феврале 1897 года был выслан под гласный надзор полиции в Курляндскую губернию. С 1898 года (с перерывами) жил за границей. В Женеве встречался с В. И. Лениным, который бывал в доме Бирюковых. С 1906 года начал печатать материалы и воспоминания о Толстом. Его 4-томный труд, посвященный Толстому, является первым опытом подробно разработанной биографии великого писателя; особую ценность этому труду придает то обстоятельство, что в работе над ним Бирюков пользовался советами самого Толстого».

И как не быть благодарным журналистской судьбе, которая свела меня во время работы в Женеве с дочерью Павла Ивановича. Мы встречались с нею не единож-

ды, и всякий раз я не переставал удивляться прекрасной памяти этой 88-летней женщины, бережно сохраняющей события и имена давних, далеко ушедших от нас дней, когда слова «русская культура» означали целое явление мирового порядка в интеллектуальной жизни, когда борьба за приоритет общечеловеческих ценностей шла параллельно с борьбой классовой, а представители самых различных мировоззрений, вполне уживаясь друг с другом, ясно понимали, что жизнь не должна строиться по какой-то одной схеме, что философия бытия не может быть однобокой. Как мне кажется, именно нравственное ощущение причастности к судьбам Рос-

Паллада» и первое прямое столкновение с громадной несправедливостью по отношению к простому народу со стороны власти. Во время отсутствия большой группы молодых офицеров на корабле началась забастовка, причиной которой стало отвратительное питание матросов. Забастовка была сразу же подавлена с помощью греческой полиции, а ее зачинщики немедленно преданы суду военного трибунала и после возвращения в Россию отправлены по этапу в Сибирь. Такая расправа с людьми, пытавшимися отстоять свое человеческое достоинство, возмутила и поразила Павла Бирюкова. После этого случая он понял, что не имеет морального



Фотография переснята автором очерка с единственного экземпляра, хранящегося у О. П. Бирюковой.

сии, к будущему ее народов позволяло толстовству П. Бирюкову одинаково дружить общаться и с анархистом князем П. Кропоткиным, и с марксистами Лениным и Плехановым, и оказывать помощь сектантам-духоборам, которые подвергались преследованиям со стороны властей.

Поначалу юные годы Павла Бирюкова не предвещали ничего необычного. Он был родом из состоятельной дворянской семьи, сын генерала, верой и правдой служившего Отечеству и ставшего после выхода в отставку предводителем Костромского дворянства. Карьера Павла Бирюкова тоже была похожа на судьбы многих молодых людей его круга: Пажеский корпус, затем Морская академия. («Отец мой имел склонность к математике и точным наукам, поэтому он выбрал Морскую академию, ибо там эти науки преподавались лучше всего», — рассказывала мне О. П. Бирюкова.) И вот выпуск, учебное плавание вокруг Европы на корабле «Афина

права быть частью государственной машины насилия, а свои знания и умения должен отдать делу служения народу.

Решающую роль в его дальнейшей судьбе сыграло знакомство с Львом Толстым, которое состоялось в 1884 году. А уже на следующий год писатель предлагает П. Бирюкову стать редактором народного журнала, идея создания которого была очень дорога Толстому. В это же время в письме К. М. Сибирякову он характеризует Павла Ивановича как человека «весьма образованного, умного, аккуратного, разделяющего вполне наши взгляды и могущего и желающего посвятить себя вполне этому делу...».

Еще больше сблизил Толстого и Бирюкова совместная деятельность по оказанию помощи голодающим в Самарской губернии, куда они выехали поздней осенью 1891 года.

Сближению и дружбе этих двух людей очень способствовала история с духобо-

рами. Представители этой религиозной секты находились в оппозиции к правительству, отказывались выполнять его постановления и законоположения (нести военную службу, соблюдать церковные обряды, признавать частную земельную собственность и т. д.). В 90-е годы прошлого века усилилось преследование духоборов царским правительством, что вызвало протесты передовых кругов русского общества, в первую очередь интеллигенции. Власть высылали духоборов на Кавказ, где воинственность местного населения должна была, по мысли царских чиновников, заставить духоборов взять в руки оружие. «Но получилось совсем по-другому, — говорит моя собеседница. — Духоборам удалось найти общий язык и даже подружиться с окружающими их народами. Это показало исследование, проведенное моим отцом по просьбе Льва Толстого». Поводом же к проведению его послужила расправа над духоборами, учиненная казаками и санкционированная властями в 1895 году.

«...Духоборы были в разных местах неоднократно жестоко истязуемы, ...большее число их засажено в тюрьмы и более 450 семей совершенно разорены... выгнаны из своих жилищ только за то, что они не хотели поступать противно своим религиозным верованиям, — писал Л. Толстой редактору английской газеты «Таймс», препровождая своим письмом статью Павла Бирюкова «Гонения на христиан в России в 1895 году». — Записка эта составлена моим другом, ездившим на место для собрания точных сведений о происшедших событиях, и потому сообщаемым им сведениям можно верить».

Около двух месяцев провел П. Бирюков среди кавказских духоборов, собирая и анализируя факты. Его статья в защиту этих людей была напечатана в «Таймс» в октябре того же года. Она стала серьезным политическим шагом, во многом определившим дальнейшую жизнь семьи Бирюковых. А вскоре за возвращением «Помогите духоборам!», подписанным Л. Толстым, П. Бирюковым, В. Чертковым и И. Трегубовым и имевшим широкий резонанс, сподвижники Толстого были высланы из Петербурга по распоряжению министра внутренних дел «за пропаганду и незаконное вмешательство в дело сектантов».

«Мой отец был сослан в Бауск, и никто из друзей не мог к нему приехать. — рассказывает Ольга Павловна. — Жил он в маленькой избушке, возле которой почти всегда находился полицейский. Все его письма вскрывались и подвергались цензуре. Но одно из писем Л. Толстого попало все-таки к нему без унижительно-го предварительного прочтения. Моя мама, которая тоже была убежденной толстовкой, дружила с дочерьми Л. Толстого. Участвовала с ними в яснополянских сенокосах, работала вместе с ними. Они еще не были с отцом женаты, но ей удалось как невесте получить разрешение на поездку к Павлу Ивановичу. Она сообщила об этом Толстому. Лев Николаевич написал ему письмо, его дочери зашили пакет в подкладку материню шубы, чтобы оно не попало в цензуру. Так отец и получил дорогу для него восточку».

Н А СЛЕДУЮЩИЙ год Бирюковым удалось выехать за границу. «Дорогой друг Поша, мне холодно от отсутствия прямого общения с вами. Напишите, голубчик, о деле и о себе...» — обращался Толстой к Бирюкову в апреле 1898 года. «Делом», о котором он упоминал, было начало издания в Лондоне независимого журнала под редакцией Бирюкова и Черткова. По предложению Толстого журнал получил название «Свободное слово», и первые номера вышли под редакцией П. И. Бирюкова. Издателем журнала выступил В. Чертков, и именно ему было адресовано письмо Толстого, в котором он оценивал содержание журнала. Ставя во главу угла прежде всего нравственность, чем должна была отличаться, по мнению писателя, истинно народная газета или журнал, Лев Толстой писал: «Прекрасно все, исключая последней страницы: «Обращение к пожертвованиям». Обращение это никаким пожертвований не вызовет, а роняет как-то достоинство редакции. Мне кажется, что пожертвования, если вызывать, то вызывать надо частным образом, а в печати это нехорошо...». Печатный орган должен, по мысли Толстого, не только обладать собственным достоинством, но и воспитывать это достоинство у своих читателей. (Думается, что замечание писателя, высказанное им своим друзьям в письме от 5 декабря 1898 года, не потеряло своей актуальности особенно сейчас, когда одна за одной начинают выходить и регистрироваться новые газеты.) А это замечание Л.

Толстого и его советы были учтены П. И. Бирюковым, который, перебравшись в Женеву, начал издавать там ежемесячный журнал «Свободная мысль», главной идеей которого было утверждение, что «свобода мысли есть закон жизни». Рецензируя первый номер журнала, Толстой писал своему далекому другу: «Вообще очень хорошо. И есть изюминка герценовская. Так и нужно... Важное, хорошее дело, помогай вам бог».

В Швейцарии П. И. Бирюков начал работать над главным произведением своей жизни — 4-томной биографией Льва Толстого. Он посещает места, где в молодости бывал Л. Толстой, вместе с дочерью Толстого, Татьяной, приезжает в небольшие городки Веви и Монтре на берегу Женевского озера, обращается к писателю с просьбой начать писать свои воспоминания. Все это требует и времени, и сил. Во внимании и участии нуждаются и растущая семья, и друзья.

«Я родилась в 1902 году близ Женевы, в маленьком пригороде под названием Онэ, — продолжает свой рассказ Ольга Павловна. — У родителей там был дом, который сейчас, к сожалению, совсем изменил свой облик. Ныне в нем живет моя племянница. Помню по рассказам родителей, у них была большая библиотека, которой пользовались многие из русских, живших в Женеве или приезжавших сюда. Мои мать и отец были дружны с многими эмигрантами, встречались с Н. Крупской, ходили в гости к Плеханову. Около двух лет у нас жил В. Бонч-Бруевич, помогавший отцу присматривать за библиотекой. Он-то и привлек нам Ленина, с которым отец позднее неоднократно беседовал и спорил о марксизме и толстовстве».

Далеко не во всем совпадали взгляды Ленина и Бирюкова. Это, однако, не мешало последнему оказывать помощь Ленину, заверив своей подписью рекомендательное письмо, чтобы будущий вождь и глава Советского правительства смог стать членом женевской библиотеки «Сосьете де лектур» — «Общества любителей чтения».

С ПАСЕНИЕ человечества — в принятии простой мысли: поступай с другим так, как если бы ты хотел, чтобы поступали с тобой. И главное при этом — познавать, любить и действовать. Эти простые и одновременно глубокие идеи, лежащие в основе толстовства, всегда служили источником энергии для Павла Ивановича Бирюкова. По этим же нравственным законам живет и поныне его 88-летняя дочь. Принципы человечности, морали, примата культурных ценностей над меркантильными устремлениями по сей день являются движущей силой и духоборческого движения, с представителями которого Ольга Павловна поддерживает постоянный контакт. Совсем недавно вернулась она из поездки в Канаду и все еще находится под впечатлением встреч, проведенных там, вспоминает свои беседы с потомками тех, кого сопровождал при переселении из России почти век назад ее отец. «За весь период жизни здесь как изгнанников, как людей русского происхождения нас всегда даже хвалили за то, что, живя в английской стране, окруженные нерусскими обстоятельствами, мы сохранили свой язык, язык своего происхождения», — говорили ей собеседники, подчеркивая при этом, что если они забудут свое наследие, свое мировоззрение, традиции, культуру, язык, то лишатся всего, чем Богом одарены были. Вспоминаются Ольге Павловне и слова одного из нынешних руководителей Союза Духовных Обществ Христа Ивана Веригина: «Если каждая культура, каждая национальность сделают свой вклад, самое лучшее, что они имеют, сделают общий вклад не только в своей стране, а даже в мировом масштабе, то тогда получится гармония. Чтобы не вредить друг другу, а содействовать друг другу, обмениваться своими ценностями. Вот это есть то, чего на практике, в жизни, очень трудно достигать. Это есть идеал, к чему люди стремятся...» А разве не отвечают духу нашего времени главные из постулатов духоборов: «Труд и мирная жизнь», «Блага всего мира не стоят жизни одного ребенка»?

Ольге Павловне дорого все, что связано с именем Павла Бирюкова. И в беседах со мной она не раз отмечала, что мечтает о переиздании в России биографии Льва Толстого, написанной ее отцом. «Я хочу, чтобы эта книга была не раритетом, — говорила Ольга Павловна, — чтобы хранилась она не только у меня или в некоторых крупных библиотеках, но и находилась бы в личном пользовании в любой русской семье». И думается, что не так уж нереальна мечта моей собеседницы.

ЖЕНЕВА—МОСКВА